

Борьба органов прокуратуры с искривлениями социалистической законности в советской деревне в ходе завершающего этапа коллективизации (1934-й год)

И.В. Ефремов

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия
ivefremov@bk.ru

Статья поступила 15.03.2023, принята 17.03.2023

Автором приводятся примеры многочисленных нарушений социалистической законности, допускавшихся низовыми партийными и советскими работниками в отношении жителей советской деревни в ходе завершающего этапа коллективизации сельского хозяйства в 1934 г. Проанализированы меры реагирования прокуратуры на наиболее вопиющие факты произвола и самоуправства, допущенные на местах. Обращается внимание на отсутствие единой линии поведения прокурорских работников в вопросах защиты законодательства, а также слабую правовую урегулированность деятельности коллективных хозяйств.

Ключевые слова: нарушение закона; коллективизация; прокурор; деревня; колхоз; партийная линия, крестьянские хозяйства; искривления.

The struggle of the prosecutor's office against the distortions of socialist legality in the Soviet countryside during the final stage of collectivization (year 1934)

I.V. Efremov

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
ivefremov@bk.ru

Received 15.03.2023, accepted 17.03.2023

The examples are given on numerous violations of socialist legality carried out by grass-roots party and Soviet workers against the inhabitants of the Soviet village during the final stage of the collectivization of agriculture in 1934. In addition, the response of the prosecutor's office to the most egregious facts of arbitrariness and arbitrariness, admitted on the ground, is analyzed. Attention is drawn to the lack of a single line of conduct for prosecutors in matters of protecting legislation, as well as to the weak legal regulation of the activities of collective farms.

Keywords: law violation; collectivization; prosecutor; village; collective farm; party line, peasant farms; distortion.

В 1934 г. руководству страны стало очевидно, что колхозное строительство, несмотря на наблюдавшуюся в отдельные периоды пробуксовку, сумело набрать ожидаемый темп и охватить большую часть советской деревни. Сопротивление коллективизации, будучи чаще всего неорганизованным, стихийным проявлением недовольства крестьянства, уже не представляло серьезной угрозы хлебоготовкам и другим мероприятиям властей.

Именно поэтому И.В. Сталин на состоявшемся летом 1934 г. в Кремле специальном совещании, посвященном вопросам укрепления колхозного строя, не требовал в отношении так называемых индивидуалов или единоличников суровых мер.

Отмечая, что в стране по-прежнему достаточно много индивидуальных крестьянских хозяйств (в целом более 9 млн) он утверждал, что арестовывать, наказывать или расстреливать крестьян, не пожелавших вступать в колхозы, все же не стоит. С присущим ему цинизмом вождь заявил, что это будет глупый и не хозяйственный подход.

Учитывая тот факт, что индивидуальные хозяйства все же дают стране определенный и достаточно немалый объем зерна, правильнее будет не задушить их, а «воспитать» в порядке экономических мероприятий, т. е. создать им такие условия, при которых им будет значительно

выгоднее стать частью коллективных хозяйств [1, с. 180].

Снисходительность И.В. Сталина, которого сложно было обвинить в излишней мягкотелости, в данном вопросе была, конечно же, мнимой, поскольку означала, по сути, экономическое удушение самой трудолюбивой и эффективной части крестьянства. Тем не менее, усиление налогового пресса все же не идет ни в какое сравнение с активно практиковавшимися государством тремя-четырьмя годами ранее массовыми выселениями, арестами и расстрелами.

Добившись желаемого или, по крайней мере, видя, что достижение поставленных целей — вопрос ближайшего времени, руководство страны позволило себе немного смягчить политику в отношении советской деревни. Подтверждением этому служит, например, решение снять недоимки по зернопоставкам 1933 г., числившиеся за всеми коллективными хозяйствами и единоличниками, принятое Совнаркомом и ЦК ВКП(б) в начале 1934 г. В соответствующем постановлении говорилось также о предоставлении колхозам права на трехлетнюю рассрочку по всем зерновым, семенным и продовольственным ссудам [2].

Кроме того, аналогично тому, как это происходило в начальный период коллективизации, власти боролись с наиболее вопиющими нарушениями социалистической законности, допущенными не в меру ретивыми исполнителями планов колхозного строительства на местах. Ситуация в деревне непрерывно мониторилась, анализировалась и систематизировалась одновременно по линии партийных, советских и правоохранительных органов.

Так, например, еще 5 февраля 1934 г. в совершенно секретном спецсообщении полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю о ходе подготовки к весеннему севу, в числе прочего, с тревогой сообщалось о том, что многие колхозники до настоящего времени не получили окончательный расчет по трудодням (т. е. за прошлогодний труд). Сообщалось, что по состоянию на 27 января 1934 г. распределить свои доходы успели лишь 4 080 из наличествующих в крае 6 810 коллективных хозяйств. Данный факт, как указывалось в документе, отрицательно влияет на успешный ход подготовки к весеннему севу [3].

Аналогичная ситуация отмечалась также в Центрально-Черноземной, Ивановской Промышленной и многих других областях РСФСР и союзных республик. От низовых партийных и советских работников требовалось скорейшее устранение данных нарушений.

Особое внимание контролирующих органов обращалось на широко распространившуюся в

колхозах практику наложения штрафов сверх определенного законом размера (5 трудодней), а также за проступки, за которые законом штрафы не предусмотрены в принципе. Например, за непосещение колхозных собраний.

В апрельском докладе 1934 г. Московской областной прокуратуры в Прокуратуру СССР о проведении штрафной политики в колхозах заместителем прокурора области Назаровым подчеркивалось, что грубые нарушения законодательства в данной сфере приобрели массовый характер. Штрафы не только на порядок превышали максимально допустимые законом размеры и затрагивали в отдельных коллективных хозяйствах сразу по несколько десятков человек, но и нередко накладывались лицами (например, председателями сельсоветов), которые не наделены полномочиями штрафовать. Частым явлением было штрафование колхозников не правлением колхоза, а просто распоряжением бригадира или председателя колхоза.

Докладчиком подчеркивалось, что отдельные районные прокуроры поднимали вопрос о законности штрафной политики в колхозах на заседаниях РК ВКП(б), президиуме РИКа и т. д., а в некоторых случаях спускали в колхозы специальную инструкцию, регламентирующую порядок наложения штрафов [4].

При этом в докладе Западно-Сибирской краевой прокуратуры в Прокуратуру СССР от 16 марта 1934 г., посвященном аналогичной проблеме, напротив, акцент был сделан на безынициативность большинства районных прокуроров, которые, несмотря на выявленные «возмутительные факты» незаконного штрафования колхозников, никаких мер к исправлению ситуации не приняли. Некоторые из них вообще без какой-либо реакции препровождали акты, а другие — ограничились только фотографированием и сообщением в краевую прокуратуру. Лишь отдельные прокуроры (в Купинском, Барнаульском, Рубцовском районах) вмешались и устранили нарушения законности [5].

Таким образом, можно говорить об отсутствии единообразия в подходах работников прокуратуры в вопросах реагирования на незаконное штрафование колхозников.

В совершенно секретной докладной записке прокурора СССР И.А. Акулова И.В. Сталину и В.М. Молотову, датированной 4 апреля 1934 г., сообщалось, что массовое наложение штрафов в тех или иных колхозах охватывает едва ли не поголовно весь состав их членов. Частым явлением стало наложение штрафов за нарушение трудовой дисциплины на целые колхозные бригады. При этом отмечалось, что незаконные штрафы (в трудоднях) в некоторых

случаях полностью поглощали годовой заработок колхозников.

Что особенно важно, достаточно часто штрафы накладывались не в трудоводнях, а в рублях, и в такой сумме, что для погашения штрафа у колхозника изымалось имущество и даже жилье.

Помимо произвола со штрафами имела место также практика исключения крестьян из колхозов с лишением всех выработанных трудоводней.

И.А. Акуловым было дано распоряжение прокурорам союзных республик о привлечении к ответственности должностных лиц, виновных в незаконном штрафовании колхозников. Кроме того, он считал важным обратить внимание на сложившуюся ситуацию краевых (областных) комитетов партии и исполнительных комитетов [6].

Следует отметить, что заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлев, в целом согласившись с доводами прокурора СССР о недопустимости штрафов в 150–200 трудоводней (поскольку постановление ЦИК СССР от 30 января 1933 г. предусматривало штрафы до 5 трудоводней), констатировал отсутствие в действующем на тот момент законодательстве жесткого ограничения штрафов, чем, несомненно, пользовались творившие произвол руководители колхозов.

Как результат, Я.А. Яковлев признал необходимость конкретизировать размеры штрафов, проступки, за которые возможно их применение, а также список лиц, уполномоченных накладывать подобные взыскания.

Помимо этого, для более лучшего понимания ситуации работниками на местах он предлагал опубликовать специальное постановление об отмене незаконно наложенных штрафов по отдельным конкретным случаям [7].

Изменить ситуацию, как свидетельствуют документы, это никак не помогло. В срочной и не подлежащей оглашению директиве прокуратуры СССР от 2 июля 1934 г. сообщалось о многочисленных грубейших нарушениях закона в отношении колхозников и единоличников со стороны местных органов власти различных союзных республик и практически полном отсутствии реакции на эти нарушения со стороны местных органов прокуратуры.

Более того, в документе сообщалось о том, что в ряде случаев эти нарушения происходили с ведома и согласия прокурорских работников. Данные работники не только не препятствовали незаконному изъятию у колхозников имущества, скота или их выселению из домов, но даже не считали необходимым сообщить об указанных фактах вышестоящему начальству.

«Ради ложно понятых местных интересов» они, по сути, укрывали нарушения и извращения

советских законов, ведь ЦК партии стало известно о происходящем от отдельных членов партии.

Из содержания директивы следует, что практически все прокуроры, бездействие которых способствовало произволу в деревне, были привлечены к судебной или, как минимум, партийной ответственности. Всем остальным надлежало развернуть решительную и беспощадную борьбу «с нарушениями и извращениями законов», защищая права колхозников и единоличников [8].

Следует отметить, что указанная директива возымела действие. Нарушений закона, по всей видимости, меньше не стало, однако работники прокуратуры стали активнее противодействовать злоупотреблениям как со стороны низовых сельских работников, так и со стороны районного руководства.

В докладной записке прокурора Западно-Сибирского края И. Баркова, датированной 25 июля 1934 г., сообщалось о «грубейших нарушениях революционной законности» в Усинском, Крутинском и Купинском районах. Данные нарушения выражались в «окулачивании» середняцких хозяйств, расхищении имущества середняков и лишении их избирательных прав, незаконном исключении крестьян из колхозов (с удержанием всего заработанного ими хлеба), незаконном вмешательстве в оперативную работу милиции, следствия и прокуратуры. При этом доходило до игнорирования протестов районных прокуроров или даже прямого противодействия им.

Сообщая в документе об указанных вопиющих фактах, краевой прокурор просил краевой комитет партии оказать воздействие на нарушителей революционной законности [9].

Одномоментно переломить ситуацию, конечно же, было невозможно, о чем свидетельствует еще множество упоминаний о подобных нарушениях законодательства в 1934 г. Тем не менее, привлечение к административной и уголовной ответственности, выговоры и иные взыскания по партийной линии в отношении наиболее одиозных деятелей колхозного строительства все же сделали свое дело. Принятый в феврале 1935 г. на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников новый Примерный устав сельскохозяйственной артели, существенно изменив колхозное законодательство, сместил вектор внимания прокуратуры с огромных штрафов и незаконного раскулачивания на другие нарушения.

В циркуляре Народного комиссариата юстиции о задачах прокуратуры по надзору за внедрением в жизнь нового устава сельскохозяйственной артели, датированном 27 марта 1935 г., прокурор РСФСР Антонов-Овсеенко требует уделять особое внимание борьбе с нарушениями

прав беременных колхозниц. В соответствии с принятым и закрепленным в уставе предложением самого И.В. Сталина, женщин надлежало полностью освобождать от работ за месяц до родов и на месяц после рождения ребенка. При этом им надлежало за это время выплачивать содержание в размере 50 % средней выработки трудодней [10].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что прокуратура в 1934 г., пусть и не сразу в масштабах всей страны, но все же сумела организовать работу и активно включиться в борьбу с нарушениями прав колхозников и единоличников. Длительное бездействие некоторых районных прокуроров можно объяснить атмосферой общей неразберихи на местах и запоздалой инерцией ранее действовавших установок, направленных на пресечение любых попыток сопротивления крестьян колхозному строительству.

Альтернативная прокуратуре в плане защиты прав инстанция, суд, действовала в указанный период гораздо менее эффективно и с вопиющими нарушениями норма процессуального и материального права.

Так, например, в директивном письме Верховного Суда СССР от 17 мая 1935 г. сообщалось, что годом ранее было зафиксировано множество случаев, когда в течение одного дня проводилось

предварительное и судебное следствие, а также выносился приговор. По некоторым делам предварительное следствие вообще не проводилось, а исполнение приговоров осуществлялось еще до их вступления в законную силу.

Наблюдались две разнонаправленные тенденции, существенно снижавшие эффективность работы судов. С одной стороны, народные суды принимали в производство практически все материалы, поступавшие от следственных органов, и в первую очередь от милиции, не отфильтровывая мелкие и малозначительные дела, которые легко могли быть разрешены в дисциплинарном порядке или на товарищеских судах.

С другой стороны, предпринимались смешные в своей нелепости попытки упростить законодательно регламентированную процедуру судопроизводства, когда отдельные суды, например, Сталинградского края на все преступления, совершенные разными лицами в одном колхозе в течение нескольких месяцев, заводили одно-единственное уголовное дело [11].

Таким образом, единственной хоть сколько-нибудь действенной защитой прав колхозников и единоличников во время завершающего этапа коллективизации была и оставалась исключительно прокуратура.

Литература

1. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
2. О снятии недоимок по зернопоставкам и рассрочке взыскания зерновых ссуд на три года: постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Рос. гос. архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3 Д. 940. Л. 56 (заверенная копия).
3. Спецсообщение ПП ОГПУ по Западно - Сибирскому краю Г.А. Молчанову о ходе подготовки к весеннему севу по данным на 27 января 1934 г. // Центральный архив Федер. службы безопасности РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 780. Л. 100-103 (заверенная копия).
4. Доклад Московской областной прокуратуры в Прокуратуру СССР о проведении штрафной политики в колхозах // Гос. архив РФ (ГА РФ). Ф. 8131. Оп. 11. Д. 154. Л. 24-27 (оборот).
5. Доклад Западно - Сибирской крайпрокуратуры в Прокуратуру СССР о проверке практики наложения штрафов на колхозников в крае // Гос. архив Новосибирской обл. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 644. Л. 51-53 (копия).
6. Докладная записка прокурора СССР И.А. Акулова И.В. Сталину и В.М. Молотову о незаконном наложении штрафов на колхозников // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3132. Л. 1 (заверенная копия).
7. Заключение заведующего Сельхозотделом ЦК ВКП (б) Я.А. Яковлева по докладной записке И.А. Акулова о наложении штрафов на колхозников // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3132. Л. 2.
8. Директива Прокуратуры СССР о нарушении советского законодательства в отношении колхозников и единоличников // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 12. Л. 30-31 (копия).
9. О нарушениях революционной законности в Усинском, Крутинском и Купинском районах: докладная записка прокурора Западно - Сибирского края И. Баркова в крайком ВКП (б), крайисполком и крайКК ВКП (б) // Гос. архив Новосибирской обл. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 644. Л. 147-150.
10. Циркуляр Наркомюста о задачах прокуратуры по надзору за внедрением в жизнь нового устава с/х артели // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 12. Д. 131. Л. 69-70 (заверенная копия).
11. О судебной работе в уборочную и хлебозаготовительную кампанию: директивное письмо Верховного суда СССР // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 12. Д. 109. Л. 4 (заверенная копия).